

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Г. Д. САНЖЕЕВ

К ПРОБЛЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ *

Учение И. В. Сталина о языке указывает пути подлинно научного, марксистского разрешения вопросов грамматического строя отдельных языков на основе изучения внутренних законов их развития, что предполагает необходимость выявления специфических структурных особенностей этих языков и требует безусловного отказа от всяких попыток навязать самостоятельно развивающимся языкам черты, свойственные другим языкам. К числу вопросов, требующих возможно быстрого и неотложного разрешения в свете сталинского учения о языке, относится проблема частей речи, весьма запутанная в годы господства «нового учения» о языке.

1 /

В алтайских языках части речи более или менее установлены, так сказать, вчерне, хотя они еще и не подвергались достаточно детальному и научно обоснованному анализу: нет, например, какой бы то ни было ясности в классификации соответствующих групп внутри местоимений, наречий, глаголов; нет также единой точки зрения на такие категории, как основные именные части речи (существительные и прилагательные) и т. д. В настоящее время одно из главных разногласий между алтаистами возникает именно по вопросу об основных именных частях речи в монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языках. Существо этих разногласий сводится к бесконечным и, надо добавить, безрезультатным спорам о том, чем являются с лексико-грамматической точки зрения слова типа кирг. *темир* или бур. *түмэр* — только существительными в значении «железо» или существительными и прилагательными в значениях «железо» и «железный»? А возникают подобные споры потому, что в монгольских и тюркских языках слова приведенного типа переводятся на русский язык различно, что зависит от различного же лексико-синтаксического окружения, в которое они, эти слова, попадают, например, кирг. *темир алуу* и бур. *түмэр абаха* «взять железо», кирг. *темир жол* и бур. *түмэр харгы* «железная дорога». Ср. еще: монг. *модон хүрз* «дере-

* Печатаю в дискуссионном порядке статью Г. Д. Санжеева, редакция считает, что вопросы, поднимаемые в этой статье, заслуживают обсуждения прежде всего с таких точек зрения: 1) в каких конкретных формах должен выражаться исторический подход к проблеме определения системы частей речи в современном языке; 2) в какой мере возможно говорить о тождественной или общей системе частей речи в группе (семье) родственных языков; 3) каким должно быть соотношение морфологического, семантического и синтаксического критериев при определении системы частей речи в конкретном языке (или конкретной группе языков).

вянная лопата», алтан зоос «золотая монета», мөнгөн бүлжиг «серебряное кольцо»; каракалп. агаш бел, алтын тенгге и гүмис жүзик — соответственно в буквальном переводе: «дерево лопата», «золото монета» и «серебро кольцо». Подобное определительное сочетание, осуществляемое путем простого соположения имен, в нашей тюркологической литературе принято называть первым типом изафета (о втором и третьем типах см. ниже).

Одни языковеды утверждают, что в тюркских и монгольских языках слова приведенного типа одновременно и без формального изменения являются и существительными, и прилагательными — в зависимости от различного синтаксического положения в предложении или словосочетании. Так, монголист Д. А. Алексеев пишет, что в «бурят-монгольском языке многие имена существительные именно по функции становятся прилагательными»¹. Другие же языковеды, наоборот, полагают, что в приведенных сочетаниях имена существительные, синтаксически оказываясь определением, не становятся прилагательными, — такова, например, точка зрения А. Н. Кононова² и А. И. Исакова³. Проф. Н. К. Дмитриев по поводу этой категории пишет, что «с точки зрения морфологии, в башкирском языке (как и в других тюркских) нельзя провести твердой границы между существительными и прилагательными», что «существительные и прилагательные в тюркских языках представляют собою своего рода единую недифференцированную категорию. При квалификации каждого отдельного слова следует исходить из его семантики, или смыслового содержания. Например, слово типа *ат* (конь), взятое как исходный пункт, является прежде всего существительным и выполняет синтаксические функции существительного и только во вторую, так сказать, очередь может выполнять синтаксическую функцию прилагательного. Таким образом, слово типа *ат* можно было бы назвать условным термином „существительное-прилагательное“ для того, чтобы рельефнее выразить динамику его развития. Другими словами, эту формулу можно выразить так: слово *ат* семантически является существительным, а в синтаксическом плане может быть: а) существительным, б) прилагательным»⁴.

Совершенно очевидно, что споры в алтаистике по поводу этих «существительных-прилагательных» основаны на смешении понятий синтаксического и морфологического порядка и, отчасти, если не в значительной степени, связаны с тем, как соответствующие слова алтайских языков переводятся на русский язык. Понятие «определение», относящееся к синтаксису, некоторые алтаисты ошибочно подменяют понятием «прилагательное», относящимся к лексико-морфологическим категориям, следуя в этом отношении как за Н. Я. Марром, так и за Г. Паулем, утверждавшим, что «если имя поставлено как предикат или приложено к имени вещи как определение, то оно уже не может быть именем вещи и с этой точки зрения тем самым есть прилагательное»⁵.

Показательно, что, исходя из указанного своеобразия в употреблении и значении имен в монгольских языках, известный русский монголист

¹ См. Д. А. Алексеев. Части речи в бурят-монгольском языке, «Записки Бурят-Монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории», вып. 5—6 Улан-Удэ, 1941, стр. 138.

² А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 109.

³ А. Исаков. Наречие в современном казахском языке. Алма-Ата, 1950, стр. 39. Ср. также И. А. Батманов, Грамматика киргизского языка, вып. 2, Фрунзе, 1940, стр. 36—43.

⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 80—81. Здесь же (стр. 80) Н. К. Дмитриев пишет, что в школьной практике слова описываемого типа «надлежит рассматривать как существительные, хотя бы их синтаксическая функция и равнялась функции русского прилагательного».

⁵ Цитируем в перелаче В. В. Виноградова в его «Русском языке», М.—Л., 1947, стр. 419.

Алексей Бобровников более ста лет назад пришел к выводу, что в этих языках, вместо традиционных имен существительных и прилагательных, а также качественных наречий, имеются имена относительные и качественные, в разбор которых мы здесь не входим⁶.

2

В данном случае важно подчеркнуть другое. От «существительных-прилагательных», или предметных имен — термин, который мы бы предпочли, — следует отличать, во-первых, имена прилагательные (о них речь будет идти ниже) и, во-вторых, собственно существительные типа монг. *нам* «партия», *эвлэл* «союз», *эрх* «право», *хувьсгал* «революция», *байгууллага* «организация», *ухаан* «разум», *хороо* «комитет», *урагсал* «течение», *удирдлага* «руководство», *нуур* «озеро», *газар* «земля, присутственное место, учреждение, орган», *нутаг* «кочевье», *ном* «книга» и т. п. От «существительных-прилагательных» эти имена отличаются тем, что они выступают в качестве определения других имен, собственно существительных или «существительных-прилагательных», только в особой форме, чаще всего в форме родительного или совместного падежа.

Поясним это следующим образом. При переводе на монгольский язык русских относительных прилагательных необходимо либо поставить соответствующие монгольские существительные в форме родительного или совместного падежа, либо образовать от них прилагательные при помощи особых формантов: *намын* «партийный»; *намын хороо* «партийный комитет» или «комитет партии»; *эвлэлийн* «союзный»; *хувьдсгарчиг эвлэлийн хурал* «профсоюзное собрание» или «собрание профсоюза»; *хувьсгалт* «революционный»; *хувьсгалт нам* «революционная партия»; *хувьсгалын зам* «революционный путь» или «путь революции»; *ухаантай* «с умом, умный»; *ухаантай морин* «умный конь»; *саруул ухаантай хүн* «человек со светлым умом».

Подобную же картину мы находим и в тюркских языках, в которых определительное отношение между именами устанавливается при помощи так называемой изафетно-притяжательной связи. Ср. в узбекском языке: *фанлар академияси* «академия наук» (буквально — «науки академия-их»); *шахмат тахтаси* «шахматная доска» (буквально — «шахматы доска-их»); *китоб магазини* «книжный магазин» (буквально — «книга магазин-ее»); *партия комитети* «партийный комитет» (буквально — «партия комитет-ее»); *фабрика бинолари* «фабричные здания» (буквально — «фабрика здания-ее»); *агитация пункти* «агитационный пункт» (буквально — «агитация пункт-ее»); *агитация иши* «агитационная работа» (буквально — «агитация работа-ее»).

В приведенных примерах иллюстрируется второй тип изафета, характерный тем, что определительное имя ставится в форме основного или именительного падежа, а определяемое сопровождается соответствующей притяжательной частицей или аффиксом принадлежности определенному лицу⁷. Третий тип изафета отличается от второго тем, что определительное

⁶ А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849, стр. 52—76.

⁷ До сих пор монголисты не устанавливали наличия второго типа изафета в монгольских языках, а между тем случаи его применения в этих языках иногда встречаются, например: *энэ модыг ондир-ин* «наша-луга адали билэ» (Б. Я. В л а д и м и р ц о в, Монгольский сборник рассказов из Райсатанга, Лгр., 1921, стр. 496) «это дерево было с меня», буквально — «это дерево высота-его со мною одинаково было» («одинакова была?»); *тэрэ-бэр хүчин-ану гайцхамшиг й-ке* (там же, стр. 486) «сила его (льва) замечательно велика», буквально — «он сила-его удивительно велик» («велика?»); *тогус шибэгун тобрику дэвдлэга-ану* (Ланбаторское издание монгольского текста Викрамидитя, 1928, стр. 11) «ожидаемый птенец павлина», буквально — «павлин птица имеющий родиться птенец-его» (но не «птенец, имеющий родиться павлином»).

имя ставится в форме родительного падежа, а определяемое сопровождается притяжательной частицей, например: *колхознинг пахтаси* «хлопок колхоза» (буквально — «колхоза хлопок-его»); *отнинг боши* «голова лошади» (буквально — «лошади голова-ее»).

Суть второго и третьего типов изафета заключается, следовательно, в том, что определительная связь между именами невозможна путем простого соположения этих имен, т. е. нельзя, например, вместо *китоб магазини* или *колхознинг пахтаси* сказать *китоб магазин* и *колхоз пахта* в значениях «книжный магазин» и «хлопок колхоза», что было бы допустимо лишь в отношении «существительных-прилагательных» и явилось бы проявлением первого типа изафета. (Ср. кирг. *темир жол* «железная дорога», буквально — «железо дорога».)

Таким образом, именами существительными в алтайских языках в отличие от предметных имен надо безоговорочно признать только такие слова, которые исключают возможность применения первого типа изафета и в отношении определения которых как имен существительных среди алтаистов не может возникать спора. Следовательно, имена существительные — это слова, которые в словосочетаниях и предложениях могут выступать в функции определения других имен, если они соответствующим образом оформлены по второму или третьему типу изафета, в лексико-семантическом отношении — это слова главным образом не вещественного характера, т. е. отвлеченного и, как говорят монголисты, процессного значения («союз», «соединение», «партия», «мысль» и т. д.).

3

От имен «существительных-прилагательных» предстоит теперь отделить также имена прилагательные, которые обозначают признак или качество предмета непосредственно или по отношению последнего к другим предметам. Эти имена прилагательные в словосочетаниях и предложениях могут выступать в качестве определения других имен (особые случаи так называемой субстантивации этих прилагательных, конечно, имеют место и в алтайских языках), но сами лишены способности обращаться своими определениями так широко и свободно, как прочие имена. Имена прилагательные — это главным образом слова, производные от других, а также «готовые» прилагательные, заимствованные из русского, арабского, персидского, таджикского и других языков.

Среди имен прилагательных надо выделить некоторые качественные, которые могут употребляться и субстантивно, и атрибутивно, совпадая в этом отношении с предметными именами, а также обладают способностью изменяться по степени качества и, аналитически, по степеням сравнения, уподобляясь на этот раз качественным именам, о которых см. ниже. Например: монг. *будуун* «толстый, толщина», узб. *узун* «долгий, долгота». Сюда же следует отнести названия цветов и мастей типа, например: кирг. *кара* «черный», *ак* «белый», *сары* «желтый», *боз* «серый», *тору* «гнедой», *буурул* «чалый» или, соответственно, монг. *хар*, *цагаан*, *шар*, *бар*, *хээр*, *буурал* и т. п. Эти прилагательные, обозначающие качество или признак предмета непосредственно или же по отношению к другим предметам, никоим образом не следует смешивать с «существительными-прилагательными», а также с качественными именами, о чем мы будем говорить в нашем дальнейшем изложении.

В большинстве своем имена прилагательные являются относительными и образуются от имен существительных и предметных. Так, в монгольском языке при помощи форманта *-ту* от слов различных типов получаются бесспорные имена прилагательные, например: *агула* «гора». *агулату*

«горный» только в смысле «имеющий горы» (о местности); *морин* «конь», *мориту* «конный» только в смысле «имеющий коня». В тюркских языках этому монгольскому форманту соответствует *-лу*, *-ли*, например, узб. *-ли*: *сув* «вода», *суели* «водный» в смысле «имеющий воду».

В монгольском языке имеются и другие форманты, при помощи которых от разных частей речи образуются относительные прилагательные (примеры ради удобства даются в комбинированной транскрипции):

1) *-хи*, образующий прилагательные от имен в форме дательно-местного падежа или локальных и временных наречий, например: *гэртэ* «в юрте», *гэртэхи* «находящийся в юрте»; *эндэ* «здесь», *эндэхи* «здесьний»; *маргааша* «завтра», *маргаашахи* «завтрашний».

В узбекском языке монгольскому *-хи* соответствует *-хи~ги*, например: *ёз* «лето», *ёзги* «летний»; *ич* «внутренность», *ички* «внутренний»; *кеча* «вчера», *кечаги* «вчерашний»; *шахарда* «в городе», *шахардаги* «городской, находящийся в городе»; *уйда* «в доме», *уйдаги* «домашний, находящийся в доме» и т. п.;

2) *-мал*, образующий в монгольском языке прилагательные от глагольных основ, например: *зура* «чертить», *зурамал* «исчерченный»; *бичи* «писать», *бичимал* «писанный».

Изложенным далеко не исчерпывается список имеющихся в монгольских языках формантов, при помощи которых образуются разного рода прилагательные и которые достаточно хорошо известны в литературе. Аналогичные форманты имеются, конечно, и в тюркских языках, например, в узбекском языке мы находим такие, как *-сумон* (одам «человек» — *одамсумон* «человекообразный»; *тухум* «яйцо», *тухумсумон* «нйцевидный»; *газ* «газ», *газсумон* «газообразный»), *-чан* (*иш* «работа», *ишчан* «работающий»; *кўнгли* «сердце», *кўнгличан* «отзывчивый»; *уят* «стыд», *уятчан* «стыдливый»), *-чил* (*эл* «ловкость», *элчил* «ловкий, расторопный»; *из* «след», *изчил* «последовательный»; *дард* «болезнь», *дардчил* «болезненный») и некоторые другие, в том числе и заимствованные из арабского и русского языков (*марказ* «центр», *марказий* «центральный»; *объект* «объект», *объектив* «объективный»)⁸.

Необходимо обратить особое внимание на то, что прилагательные приведенного типа в монгольских и тюркских языках имеют весьма суженное значение. Так, например, бур. *морито* «конный» означает только то, что некто или нечто имеет коня, тогда как русск. *конный* включает в себя самые разнообразнейшие понятия, передаваемые на бурятский язык различным образом: «конная армия» *морито арми*, «конный завод» *мориной завод* (буквально — «завод коня»), «конная телега» *морин тэргэн* (буквально — «конь телега»).

Мы не можем согласиться с теми языковедами, которые склонны имена существительные в формах родительного и совместного падежей считать прилагательными.

Дело в том, что имена существительные и предметные, даже находясь в форме родительного или совместного падежа, обладают способностью широко и свободно распространяться посредством своих собственных определений, состоящих из целых причастных и иных оборотов, тогда как имена прилагательные этой способности не имеют. Ср. бур. *одоо ороһон хурын уһала тэндэ хээрэй!* «воду от сегодняшнего дождя поставишь туда!» (буквально — «воду дождя, теперь пошедшего, туда поставишь!»); *ород дарханай эхэн буутай баатар* «витязь, имеющий ружье, которое сделано русским мастером» (буквально — «витязь с ружьем, русским мастером сделанным»).

⁸ А. Н. Кононов, Указ. соч., стр. 111—114.

Необходимо, впрочем, учесть возможность того, что в некоторых случаях отдельные имена в форме совместного падежа, повидимому, действительно могут переходить в разряд прилагательных или качественных имен, утрачивая указанную способность широкого и свободного распространения. Это, по преимуществу, такие отвлеченные имена, как, например, монг. *үнэ* «цена», *амжилт* «успех», *уйтгар* «скука, тоска» и даже *салхи* «ветер», от которых мы имеем формы совместного падежа в виде *үнэтэй* «ценный, дорогой», *амжилттай* «успешный», *уйтгартай* «скупной, тоскливый» и *салхитай* «ветренный». Дело в том, что по-монгольски нельзя сказать *энэ гэр тэр гэрээс устай* в смысле «этот дом более водный, чем тот дом» или *энэ цэрэг тэр цэргээс зэвсэгтэй* в смысле «этот воин более вооруженный, нежели тот воин», ибо эти фразы соответственно значат: «этот дом (получает) воду из того дома» и «этот воин (получает) оружие от того воина». Но зато вполне допустимо: *энэ бараа тэр бараанаас үнэтэй* «этот товар дороже того товара»; *энэ фабрикынхан тэр фабрикынхнаас амжилттай ажиллана* «коллектив этой фабрики работает успешнее коллектива той фабрики»; *энд тэндхээс уйтгартай* «здесь скучнее или тоскливее, чем там»; *голын дэргэд уулынхиас салхитай* «у реки ветреннее, чем у горы».

4

Таким образом, в монгольских и тюркских языках, наряду с той группой имен, которые иногда условно называются «существительными-прилагательными», мы находим и такие, которые действительно являются либо существительными, либо прилагательными, грамматически вполне оформленными и отчетливо выделяемыми в особые части речи. Если имена существительные выступают только субстантивно, а прилагательные — только атрибутивно, то предметные имена в алтайских языках, попадая в словосочетания и предложения, могут выступать как субстантивно, так и атрибутивно без какого бы то ни было оформления по первому типу изафета; в лексико-семантическом отношении — это преимущественно слова вещественного характера, обозначающие предметы, которые могут быть материалом для создания других предметов («дерево», «железо», «золото» и т. д.).

Это как раз такие слова, которые в зависимости от своего положения в сочетаниях слов и предложениях переводятся на русский язык то именами существительными, то прилагательными, смущая тем самым многих языковедов, например: кирг. *мында темир бар*, монг. *энд төмөр бий* «здесь есть железо»; кирг. *темир жол*, монг. *төмөр зам* «железная дорога».

Нельзя, однако, закрывать глаза на те трудности, которые связаны с выделением предметных имен в особый разряд, отличный от категории имен существительных. Именно поэтому для школьной практики мы считаем целесообразным рассматривать эти имена в составе существительных, но в исследовательском плане выделить их необходимо, несмотря на все имеющиеся трудности. Отметим здесь главнейшие из этих «трудностей».

Обычные имена существительные в позиции определения других имен выступают и в форме своей основы, т. е. подобно предметным именам без всякого морфологического оформления, например: бур. *монгол хэлэн* «монгольский язык», *ород хубсаһан* «русская одежда», *боошхи сүээн* «толстый живот» (буквально — «бочка живот»); кирг. *орус мөш* «русская печь» (но: *орус тили* «русский язык», буквально — «русский язык-его»), *ай балта* «топор в форме полумесяца» (буквально — «месяц топор»)*; узб. *бош иншоот* «головное сооружение», *бош сўз* «предисловие» (бук-

* См. Х. К а р а с а е в. Семантика падежей в киргизском языке, «Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР», вып. I, Фрунзе, 1944, стр. 19.

вально — «голова слово»); монг. *ухар тэрэг* «бычья телега» (буквально — «бык телега»), *морин тармуур* «конные грабли» (буквально — «конь грабли»), *усан тээрэм* «водяная мельница», *зонин жил* «год овцы» (буквально — «овца год»), *гар буу* «пистолет» (буквально — «рука ружье») и т. п. В некоторых из этих примеров мы видим уподобительные определения (кирг. *ай балта*), в качестве которых могут выступать и предметные имена, например, бур. *шулуун зурхан* «каменное, жесткое сердце» (буквально — «камень-сердце»).

С другой стороны, не следует думать, что предметные имена или «существительные-прилагательные» выступают в качестве определения других имен только в форме своей основы. Если эти имена обозначают не материал, из которого сделан предмет-определяемое (бур. *модон гэр* «деревянный дом»), и не предмет, которому уподобляется по своему внешнему или внутреннему качеству другой предмет (бур. *морин пряник* «фигурный пряник», буквально — «конь пряник»), а предмет, частью которого является или к которому имеет какое-либо отношение предмет-определяемое, то они соответственно оформляются при помощи родительного падежа или второго типа изафета, например: бур. *модонхой орой* «верхушка дерева», *түмэрэй баахан* «шлак» (буквально — «помёт железа»); монг. *алтны дархан* «золотых дел мастер» (буквально — «золота мастер»), *төмрийн завод* «железодельный завод»; узб. *темир саноати* «железодельная промышленность» (буквально — «железо промышленность-его»); кирг. *май заводу* «маслобойный завод» и т. п.

Следует учитывать и то обстоятельство, что в одном и том же языке или в разных диалектах последнего встречаются различные типы оформления словосочетаний, например: бур. *бурхан* или *бурханай тура* «церковь» [буквально — «бог (или «бога») здание»]; *нажар* (или *нажарай*) *сэг* «летнее время» (буквально «лето-время» или «лета время»); узб. *билагу* *зук* вместо *билак узуги* «браслет» (буквально — «запястье-кольцо» вместо «запястье кольцо-его»); *кўл соат* вместо *кўл соати* «ручные часы» (буквально — «рука часы» вместо «рука часы-ее») и т. п.¹⁰ Равным образом, необходимо обратить внимание на то, что, например, в узбекском языке одно и то же понятие выражается синонимами: «дерево» — исконно узбекским ёшч и заимствованным *дархат*, из которых первое приходится отнести к предметным именам, а второе, означающее растущее дерево, — к существительным, поскольку оно атрибутивно не употребляется по первому типу изафета. Кроме того, необходимо иметь в виду наличие целого ряда омонимов, исторически образовавшихся от одного и того же первоначально единого слова, например, типа узб. *кўк* «синий» и *кўк* «небо». К этим омонимам близки случаи переносного употребления тех или иных слов. Ср. бур. *нюдэнэй сагаан* «белок глаза» (буквально — «глаза белое»), о чем см. ниже на стр. 88—89.

5

Изложенные явления, которые заслуживают пристального внимания языковедов, как уже сказано, иногда сильно «затрудняют» выделение предметных имен в особую часть речи, отличную от имен существительных. Казалось бы, в силу этих «трудностей» предметные имена допустимо отнести к именам существительным, в составе которых они могли бы образовывать особую группу «вещественных существительных», категорию, установленную в русистике на несколько иных основаниях¹¹. Но такое

¹⁰ См. А. Н. Кононов, Указ. соч., стр. 238.

¹¹ См. Грамматика русского языка, т. I, Фонетика и морфология, М., изд. АН СССР, 1952, стр. 23 и 117—118. Применительно к некоторым алтайским языкам действительно надо говорить о «вещественных существительных», а не о предметных именах.

«решение» данного вопроса не смогло бы избавить языковедов от необходимости уделять особое внимание изучению этих предметных имен.

Некоторые авторы определяли предметные имена как омонимные части речи: существительные в субстантивном употреблении (узб. *мен бу темирни олдим* или монг. *би тэр төмөрийг авас* «я взял то железо») и прилагательные — в атрибутивном (узб. *темир йул* или монг. *төмөр зам* «железная дорога»). Но такое определение неправомерно, так как оно основано на смешении категорий морфологического и синтаксического порядка.

Отметим, однако, одно обстоятельство, которое сближает предметные имена в их определительном употреблении с прилагательными, а именно то, что предметные имена теряют способность обраться своими собственными употреблениями так широко, как это возможно при их субстантивном употреблении. Говоря по-монгольски *модон ширээ* или по-киргизски *жыгач устол* «деревянный стол», т. е. «стол, сделанный из дерева», мы не сможем указать, из какого же дерева сделан этот стол, — для этого мы должны изменить весь оборот в целом и сказать примерно так: по-монгольски — *сайн модоор хийсэн ширээ*, а по-киргизски — *жакшы жыгачтан жасалган устол* «из хорошего дерева сделанный стол», т. е. прибегнуть к причастному обороту, ибо соответственно *сайн модон ширээ* и *жакшы жыгач устол* означали бы «хороший деревянный стол», который может быть сделан и из плохого дерева. Ср. русск. *деревянный ящик* и *ящик из черного дерева*; *мраморный монумент* и *монумент из уральского камня*, *обнаруженного и доставленного неумолимыми искателями*. В некоторых случаях предметное имя, являющееся определением другого имени, получает свое определение и без причастного оборота. Но это возможно только тогда, когда предметное имя вместе со своим определением составляет неделимую лексическую единицу, нераздельную и в фонетическом отношении. Например, монг. *цагаан — тугалган юм* «белая свиновая вещь» и *цагаан-тугалган юм* «оловянная вещь (буквально — «белосвиновая вещь»); *цагаан-тугалган* «олово»¹². Ср. кирг. *кара-жыгач кашаа* «карагачевый забор, забор из карагача» (*кара-жыгач* буквально — «черное дерево»), но *кара — жыгач кашаа* «черный деревянный забор»¹³.

Когда по-русски говорят *принесите деревянный*, то подразумевают «принесите нечто, сделанное из дерева», но не дерево. Если же сказать по-киргизски *жыгачты алып бар*, то, конечно, принесут именно дерево. Правда, в быстрой бытовой диалогической речи по-киргизски можно сказать *жыгачын алып бар*, но только в том случае, если говорящий и слушающий одинаково знают или видят од и н о р о д н ы е предметы, сделанные из разных материалов или разного качества, причем является обязательным притяжательное оформление (кирг. *жыгач-ы-н*), которое здесь из ряда известных или видимых од и н о р о д н ы х предметов выделяет нужное и необходимое. Если же слушающий не знает или не видит этих предметов, а на письме читатель — всего контекста, то выражения типа кирг. *жыгачын алып бар* могут быть поняты только в том смысле, что из ряда р а з н о р о д н ы х предметов, принадлежавших какому-то лицу, нужно привести именно дерево, а не что-то деревянное.

Иногда в поисках выхода из этих лингвистических «трудностей» некоторые языковеды предлагали все подобные определительные сочетания типа монг. *модон ташаа* и кирг. *жыгач кашаа* «деревянный забор» или

¹² Знаком «дефис» обозначаем слитное произношение или отсутствие паузы, а знаком тире — раздельное произношение или наличие паузы, т. е. интонационное членение.

¹³ Указанием на эти факты мы обязаны А. И. Пилеву. В киргизском языке *кара-жыгач*, повидимому, контаминационно образовалось из другого сочетания, ср. узб. *қайрағач* «карагач».

монг. *төмөр зам* и кирг. *темир жол* «железная дорога» считать неделимыми лексическими единицами, составные компоненты которых поэтому якобы не подлежат самостоятельному лексико-грамматическому разбору. На критике подобного «решения» данного вопроса можно, конечно, не останавливаться.

6

Если выделение предметных имен в особую часть речи, отличную от категории имен существительных, сопряжено с некоторыми «трудностями», а в ряде алтайских языков вообще невозможно, то выделение в особый разряд качественных имен, отличающихся и от качественных прилагательных, и от качественных наречий, не встречает никаких трудностей почти во всех этих языках.

Уже давно было замечено, что в алтайских языках определенная группа имен, в зависимости от своего положения в словосочетаниях и предложениях, соответствует то прилагательным, то качественным наречиям, иногда же отвлеченным существительным «качества» (типа русск. *красота*, *длина*, *глубина*, *быстрота* и т. п.) индоевропейских и других языков. Например: узб. *чуқур ўйлади* «глубоко думал», *чуқур денгиз* «глубокое море», *денгизининг чуқури* «глубина моря» и, переносно, *чуқурга йиқилди* «упал в яму»; кирг. *жакишы ат* «хорошая лошадь», *жакишы жаа* «хорошо писать»; монг. *хурдан морь* «быстрая лошадь», *хурдан явна* «быстро идет», *морины хурдан* «быстрота лошади»; бур. *муу газар* «плохое место», *муу ябана* «плохо идет, плохо живет», *мини мууе бұ дурда!* «не касайся (в разговоре) моего изъяна!»; казах. *ұзақ жер* «далекое место», *ол ұзақ сөйледі* «он долго говорил».

В этих примерах узб. *чуқур* означает «глубокий», «глубоко», «глубина» и, субстантивно, «яма»; кирг. *жакишы* — «хороший» и «хорошо»; монг. *хурдан* — «быстрый», «быстро» и «быстрота»; бур. *муу* — «плохой», «плохо» и «изъян» или, так сказать, «плохость»; каз. *ұзақ* — «далекий» и «долго».

Насчет узб. *чуқур*, судя по данным некоторых других тюркских языков, где оно не имеет значения «глубоко, глубокий, глубина», можно предположить, что его значение «яма, впадина» является более первичным. Но для нашего анализа важно отметить, что это слово в своих различных значениях грамматически ведет себя различным образом.

В алтаистической литературе имеется бесконечное количество разных мнений относительно подобных слов, и определяются они то как прилагательные, то как наречия, то, наконец, как «прилагательные-наречия»¹⁴.

Автор настоящей статьи в своей «Грамматике бурят-монгольского языка» употребил термин «качественные имена», характерная особенность которых заключается в том, что они обозначают признак предмета и действия, тогда как прилагательные выражают признак только предмета, а качественные наречия — только действия¹⁵. Таким образом, термин «качественное имя» был использован нами в совершенно ином значении, нежели то, в котором он впервые был введен в научный оборот более ста лет назад А. Бобровниковым без учета прилагательного употребления описываемой части речи в монгольских языках.

В 1941 г. мы указывали, что почти у всех алтаистов фигурирует формулировка: «прилагательные в большинстве случаев могут употребляться как качественные наречия» — и что они, алтаисты, не подозревают возмож-

¹⁴ См. А. Исканов, Указ. соч., в котором дается также краткий обзор тюркологической литературы по вопросу о «прилагательных наречиях».

¹⁵ См. Г. Д. Санжеев, Грамматика бурят-монгольского языка, М.—Л., 1941, стр. 31—41.

ности обратной перестановки их формулировки: «почти все наречия образа действия могут употребляться как прилагательные»¹⁶. Но такой возможностью в то время уже воспользовался проф. С. К. Кенесбаев, который писал: «Отдельные наречия в казахском языке, в зависимости от словосочетаний в предложении (от контекста), могут играть роль и прилагательных, т. е. разница между такими наречиями и прилагательными носит чисто синтаксический характер. Например, *мен бір жақсы кітап сатып алдым* «я купил одну хорошую книгу» и *мен мектепте жақсы оқыймын* «я в школе хорошо учусь»¹⁷. Однако в другом месте проф. С. К. Кенесбаев писал следующее: «... казахские прилагательные (качественные) употребляются в значении наречия — обстоятельства образа действия, когда они находятся перед глаголом — сказуемым в предложении. Например: *...ол кітапты жақсы оқыды* «он книгу хорошо читал»¹⁸.

Читатель, конечно, в недоумении: что же такое *жақсы*? Наречие, которое играет роль прилагательного, или же прилагательное, которое употребляется в значении наречия? На этот вопрос многие языковеды отвечают: прилагательное, когда оно оказывается перед именем, и наречие, когда оно находится перед глаголом, так же, как, например, кирг. *темир* — существительное в сочетании *темир бар* «имеется железо» и прилагательное в сочетании *темир жол* «железная дорога».

7

Не приводим здесь также и всех теоретических высказываний по поводу качественных имен в тунгусо-маньчжуроведении, столь же запутанных, как и в монголистике или тюркологии. Отметим только правильную точку зрения В. А. Аврорина, который, подробно исследовав эти имена по данным нанайского языка, писал следующее: «Какое же название может быть дано этой лексико-грамматической категории? Мне кажется, что наиболее приемлемым, хотя, понятно, и условным, следует считать термин «имя качества»¹⁹. В. А. Аврорин совершенно правильно подчеркивает, что недопустимо «смещение и даже отождествление частей речи и членов предложения», и иллюстрирует категорию «имени качества» такими примерами из нанайского языка: *улэн сингактани* «хорошего меха»; *сингактани улэн* «мех хорош»; *улэн ярсиру* «хорошо рассмотри!»; (*сингактани манэ*) *уламби туэбэйни* «(мех-ее) свою хорошесть (т. е. высокое качество) теряет»; (*сингакта*) *улами манга* «(меха) хорошесть высока»; *уламбэ таорива мурчиси-ну?* «хорошее (нечто) сделать думаешь?»²⁰ и т. п.

Далее В. А. Аврорин замечает: «...если одно и то же слово становится в различных синтаксических функциях чем-то напоминающим то прилагательное, то наречие, то существительное, это свидетельствует о том, что в действительности оно, не является ни тем, ни другим, ни третьим, а чем-то совершенно особым, представителем самостоятельной лексико-грамматической кате-

¹⁶ См. там же, стр. 33.

¹⁷ С. Кенесбаев, Грамматика казахского языка, Алма-Ата, 1941, стр. 96.

¹⁸ Там же, стр. 41.

¹⁹ В. А. Аврорин, Очерки по синтаксису нанайского языка, Л., 1948, стр. 37—38. Ср. О. П. Сунник, Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1947, стр. 102—112.

²⁰ Там же, стр. 36.

гории, полного соответствия которой не следует и пытаться найти в языках индоевропейской системы»²¹.

Из всего вышесказанного видно, что качественные имена алтайских языков соответствуют различным категориям других языков, а именно:

1) будучи употреблены не в синтаксической функции определения имени или глагола²², они соответствуют отвлеченным именам существительным «качества», чаще всего производным от качественных прилагательных, например: узб. *денгизнинг чуқурига* «в глубину моря»; монг. *морины хурданыг аах ва!* (из песни) «что же поделаешь с быстротой коня!»;

2) в функции определения других имен или в позиции сказуемого они соответствуют качественным прилагательным, например: узб. *чуқур денгиз* «глубокое море»; монг. *хурдан морь* «быстрый конь», *энэ морь хурдан болов* «этот конь сделался быстрым»;

3) в функции обстоятельства образа действия или вообще находясь перед глаголом — качественным наречиям, например: узб. *чуқур ўйлади* «глубоко думал», монг. *хурдан явна* «быстро идет», *хурдан явсан нь цагтаа хурнэ* «быстро пошедший во-время достигнет».

Таким образом, те алтайисты, которые в отношении предметных имен пользуются термином «существительные-прилагательные», должны были бы назвать качественные имена не «прилагательными-наречиями», а «существительными-прилагательными-наречиями».

Качественные имена в алтайских языках обладают способностью изменяться по степени качества и, аналитически — по степеням сравнения²³. В этом отношении к качественным именам примыкают и качественные прилагательные, за исключением некоторых названий мастей животных. В описательных грамматиках алтайских языков достаточно подробно, хотя и не всегда точно, излагаются разные формы и способы выражения этих степеней качества и сравнения, между которыми, однако, иногда не проводится необходимое различие²⁴.

Итак, качественные имена в алтайских языках — это особая категория таких имен, которые обозначают признак как предмета, так и действия. Этого нельзя сказать ни об именах прилагательных вообще, обозначающих только признак предмета и потому способных быть лишь определителями имен, ни о качественных наречиях, обозначающих только признак действия и выступающих лишь в функции определителей глагола. Поэтому качественные имена нельзя смешивать ни с прилагательными, ни с качественными наречиями.

²¹ В. А. Аврорин, указ. соч., стр. 37 (разрядка наша.—Г. С.). Здесь мы не касаемся взглядов В. А. Аврорина на другие части речи и их подгруппы в нанайском языке—местоимения, глаголы, в том числе—причастия, числительные и т. д. Не останавливаясь мы также и на ошибках В. А. Аврорина марковского характера, особенно обильно представленных во введении. Однако подобные ошибки В. А. Аврорина ни в какой степени не должны заслонять собою те весьма ценные наблюдения и правильные выводы, которые в его работе теперь очень легко могут быть освобождены от марковского шелухи.

²² Качественные имена со значением, соответствующим значению отвлеченных имен существительных «качества», в разных алтайских языках или в разных стилях последних представлены далеко не одинаково; в некоторых из этих языков, главным образом в научно-публицистическом стиле, от качественных имен и прилагательных образуются особые имена с отвлеченным значением, например, узб. *узунлик* «долгота» от *узун* «долгий» и, в обычной речи, «долгота»; *яшиллик* «доброта» от *яши* «добрый, хороший, хорош». Подобные новообразования имеются и в других алтайских языках. Надо заметить, что практически не каждое качественное имя употребляется во всех трех указанных положениях, как в русском языке не каждый глагол имеет формы всех видов, залогов и т. д.

²³ О степенях качества и сравнения в русском языке см. В. В. Виноградов, Указ. соч., 236—261.

²⁴ Это хорошо показано в работе Г. Г. Мусабаева «Степени сравнения в казахском языке», Алма-Ата, 1951. Эта работа опубликована, к сожалению, только на казахском языке.

8

Остается сказать несколько слов по поводу так называемой субстантивации качественных имен (и прилагательных) в алтайских языках. В употреблении этих имен можно отметить следующие случаи:

1) переносное употребление, допустимое только в определенных лексических сочетаниях типа бур. *нюдэнэй сагаан* «белок» (буквально — «глаза белое»), кирг. *кара сана* «думать плохое, затаить злобу» или бур. (диалектн.) *хурдан хара* «водка» (буквально — «быстрое черное»).

2) образование омонимов от первоначально одного и того же слова, например, узб. *кўк* «синий» и *кўк* «небо» (первоначально *кўк* значило только «синий»); как уже говорилось, явления омонимии не следует смешивать с переносным употреблением соответствующих слов, особенно «цветовых» прилагательных;

3) обычное употребление, которое не приводит к образованию омонимов; так, например, в узб. *чуқур ўйлади* «глубоко думал», *чуқур денгиз* «глубокое море» и *денгизнинг чуқури* «глубина моря» слово *чуқур* во всех этих случаях относится к одной и той же части речи, к категории качественных имен.

Но это же узб. *чуқур* в значении «яма» (*чуқурга йиқилди* «упал в яму») образовало омоним и из разряда качественных имен перешло в разряд существительных, если это значение не является первоначальным. Стало быть, нельзя ставить на одну доску *чуқур* «глубина» и *чуқур* «яма», ибо первое не является проявлением субстантивации и не может быть смешиваемо с субстантивацией в собственном смысле этого термина. Здесь мы имеем в виду также явления типа кирг. *богго жакындадык* «мы приблизились к серому» (т. е. коню) или *ак* «молоко, молочные продукты» (буквально — «белое») и бур. *манай хайхан нааданда гараа* «наша красавица ушла на игрище», *энэ будучун хэзэ ерэвб?* «когда пришел этот толстяк?» и *хурдан хараа унаад ябаарай* «поедешь на быстром вороном». В этих фразах качественное имя *хайхан* «красота, красивый, красиво» и качественные прилагательные *бог* — «серый», *будучун* «толстый» и *хара* «черный» явно субстантивированы в значениях «серый», «красавица» (а может быть, и «красавец»), «толстяк» и «вороной».

Эти имена мы не могли бы считать субстантивированными, если бы они были употреблены соответственно в значениях «серость», «красота», «толщина» и «чернота», иллюстрирующих обычное употребление данных слов: бур. *энэ басаганай хайхание гарыш!* «посмотри на красоту этой девушки», *тэрэ модоной будучунь гайхалтай* «толщина того дерева удивительна» и *хөөггэй хара* «чернота угля».

Дело в том, что качественные имена, подвергшись субстантивации и переходя тем самым в разряд существительных, обозначают уже не какие-либо качества, а предметы, обладающие данными качествами. Например, бур. *манай хайхан нааданда гараа* «наша красавица ушла на игрище» (конечно, не «наша красота ушла на игрище!»). Ср. бурятское же *энэ басаганай хайхандань хэнши булалаха даа!* «в красоту этой девушки влюбится каждый!» (смысл: «в эту девушку каждый влюбится по причине ее красоты!»). Кроме того, подобные субстантивированные прилагательные и качественные имена типа кирг. *ак* «молоко, молочные продукты» уже не могут участвовать в конструкциях со степенями сравнения, что очень важно в грамматическом отношении. Например, узб. *чуқур* «яма, впадина» не может быть употреблено в обороте типа *бу йўл бизнинг йўлдан чуқур* «эта дорога более «ямистая», нежели наша дорога». Именно поэтому *чуқур* «глубокий, глубоко, глубина» и *чуқур* «яма, впадина» грамматически оказываются в составе разных частей речи, тогда как в русском языке *юношество* «юность» и *юношество* «юноши» — одно и то же слово с раз-

ными значениями (в первом — качество, а во втором — лица, обладающие данным качеством), но не два разных слова; ср. *молодость* и *молодежь*.

И. В. Сталин пишет: «Отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она дает правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетании слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы. Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления»²⁵. В свете этого указания ясно, что узб. *чукур* в значениях «глубокий, глубоко, глубина» подчинено тем грамматическим правилам, которые имеют в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности, тогда как употребление *чукур* в значении «яма» опирается на другие правила, правила изменения значения слова, которые подлежат конкретному изучению в историко-этимологическом и лексико-семасиологическом планах и могут давать в разных языках одной и той же родственной группы совершенно различные результаты.

Свойство качественных имен выступать в различных лексических значениях и их склоняемость по падежам можно проиллюстрировать следующими примерами из фольклора: 1) в одной монгольской песне в уста волка, гонимого охотниками, вкладывается такое выражение: *морины хурданыг ях вэ!* «что же поделаешь с быстротой лошади!», т. е. «что же поделаешь, если лошадь так быстра!»; 2) в бурятских былинах, обычно — в концовках, встречается выражение: «*үнэгэнэй хурданиг үлдэжэ лажса хүсэхэб!*» «как бы догнать, гонясь, из лисиц быстроту!» В этих примерах при абсолютно одинаковом оформлении одного и того же качественного имени *хурдан* — винительный падеж и препозиция родительного падежа *морины* «лошади» и *үнэгэнэй* «лисицы» — данное имя получает различное значение, поскольку в первом примере речь идет о скорости лошади, а во втором — не о скорости лисицы, а о быстрой из лисиц! То же самое мы увидим в монгольских фольклорных выражениях *эрийн сайн* «лучший из мужей» и *эрийн сайныг эрдмээр* нь «качество мужа (познается) по его способностям»: точный смысл устанавливается по контексту речи и обстановке собеседования. Ср. кирг. *аттын жакшысы* «лучший из коней»; *аргымактын жакшысы чапса күлүк*, *сатса бул* «аргамак тем хорош, что в езде — скакун, в продаже — деньги», буквально — «аргамака хорошесть (в том, что) если ездить — скакун, если продать — деньги»²⁶.

То же самое надо сказать и о причастиях в монгольском языке: 1) *тэдгээрийн урьд явсан нь гайхмаар* «странным, что они пошли впереди» и 2) *урьд явсан нь далайн ус шавхаг, хойно явсан нь хоосоор хоцров* «шедший впереди выпил всю воду у моря, шедший позади голодный остался» (так много было скота!). В первом примере причастие *явсан* означает действие, а во втором — то же причастие означает уже не действие, а исполнителя действия.

²⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 24.

²⁶ К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1940, стр. 46.

Качественные имена, как и прилагательные и причастия, не имеют формы множественного числа, а будучи поставлены в этой форме, превращаются в имена существительные, например: монг. *сайн*, узб. *яхши* «хороший, хорошо, качество», но монг. *сайд* «лучшие люди» (ныне «министр», — ед. число!), узб. *яхшилар* «лучшие люди». Ср. также причастия монг. *явсан* «успешный», *явсад* «успешные» (о живых существах и лишь субстантивно); *ирсэн* «пришедший», *ирсэд* «пришедшие, прибывшие» (только о людях). В старомонгольском и современном бурят-монгольском языках причастия и качественные имена иногда согласуются в числе с определяемым, например: старомонг. *ирэгсэд күйс* «прибывшие люди»; бур. *баганууд гэрнүүд* «маленькие юрты». Любопытно, что в бурят-монгольском языке при наличии определения, поставленного в форме множественного числа, определяемое часто остается в форме единственного числа: *баганууд гэр* «маленькие юрты», буквально — «маленькие юрта» (по аналогии с *арбан гэр* «десять юрт», буквально — «десять юрта»).

9

Кратко остановимся теперь на вопросе о качественных наречиях или наречиях образа действия. В алтайских языках они должны быть определены как особая группа слов (в составе наречий вообще), которые обозначают только признак действия и поэтому выступают в соединениях слов лишь определителями глагола или — в предложениях — обстоятельством образа действия²⁷.

Таковы в монгольском языке слова типа *хага* «пополам», *бут* «вдребезги», *эгшинээ* «моментально», *даруй* «немедленно, непосредственно, сразу же» и т. п., например: *хага цавчих* «расколоть», т. е. «пополам колоть» *бут унагаах* «разбить вдребезги»; *даруй яв!* «отправляйся немедленно!». Таковы же в казахском языке слова типа *жорта* «умышленно, нарочно», *олай* «так», *зорға* «насплу. едва-едва», *жатқа* «наизусть», *бірден* «сразу», *балаша* «по-детски» (и вообще многие производные слова с формантом *-ша*), *қуана-қуана* «с радостью, радостно», *сөзбе-сөз* «дословно, точно, слово в слово» и т. п., например: *Асқар жеті күнде зорға жетті* «Асқар насплу доехал в семь дней»; *Шашубай білетін еді жатқа бәрін* «Шашубай все знал наизусть»; *ол Сақыйдың жолым үйіне бірден бармады* «она в скромную юрту Сакия не сразу поехала»; *Хасен балаша жылады* «Хасен плакал по-детски, как дитя»; *қыз қуана-қуана арбаға мінді* «девushка с радостью села на телегу»; *Асқар Андрейдің сөзін сөзбе-сөз аударды* «Асқар перевел слова Андрея дословно»²⁸. Подобные же наречия имеются и в узбекском языке: *югурганча* «бегом», *шошилганча* «торопливо», *бирга* «вместе» и многие другие, образованные как морфологически, так и лексико-синтаксически²⁹.

Качественные наречия, как и многие наречия вообще, в алтайских языках в большинстве случаев являются производными от других частей речи, т. е. словами, которые закрепили за собою определенные лексико-грамматические свойства и функции, как это на материале казахского языка хорошо показано, например, в работе А. Исакова о наречиях

²⁷ Неправ Д. А. Алексеев (Указ. соч., стр. 157), когда он замечает: «...зачем же Г. Д. Санжеев выделяет наречие как самостоятельную часть речи, если оно является составным элементом качественного имени? Здесь он противоречит самому себе... С одной стороны, у него качественное имя точно соответствует наречию образа действия, а с другой, — наречие образа действия отличается от тех же качественных имен». Читатель, конечно, уже заметил, что на самом деле в нашем положении наречие не является «составным элементом качественного имени», а образует в алтайских языках особую категорию.

²⁸ А. Исаков, Указ. соч., стр. 26—32.

²⁹ А. Н. Коновцов, Указ. соч., стр. 215—216.

в современном казахском языке³⁰. Понятно, что производный характер большинства качественных наречий алтайских языков совершенно не меняет современной природы и сущности этих наречий.

Таким образом, в алтайских языках мы находим следующие пять частей речи (кроме глаголов, местоимений, числительных, наречий вообще и других частей речи, оставшихся за рамками нашего обозрения): 1) имена существительные, 2) предметные имена, 3) имена прилагательные, 4) качественные имена и 5) качественные наречия, которые входят в более обширный разряд наречий вообще.

Но своеобразие каждого из алтайских языков таково, что изучение одного из них ни в какой степени не может дать нам полного представления о другом языке. Так, например, в некоторых алтайских языках предметные имена не образуют особой части речи, а составляют лишь группу «вещественных существительных», категорию, установленную в русистике, как уже говорилось, на несколько иных основаниях. Существенные различия между алтайскими языками становятся особенно заметными тогда, когда мы подходим к определенным группам слов. Так, например, если монг. *күчүн* «сила» является именем существительным, то в горноалтайском языке *куч* оказывается уже качественным именем в значении «сила, сильный, сильно».

10

В алтайских языках все слова могут быть подразделены на производные и непроизводные. Последние можно считать в известном смысле коренными, так как их составные части обнаруживаются только в результате историко-этимологического анализа. Так, например, монг. *цасан* «снег» исторически состоит из словообразующего суффикса *-сан* <-сун, ныне почти непродуктивного, и омертвевшего корня *ца-*, наличного в составе таких слов, как *цагаан* (<*ца-* + *-ган* <*гаан*) «белый» и *цай-* (<*ца-* + *-йи* <-йи) «белеть, светать»; этот корень *ца-* в современном монгольском языке не имеет никакого значения, а потому слова *цасан*, *цагаан* и *цай-* не осознаются как производные от корня *ца-* и генетически связанные друг с другом.

При установлении критериев определения принадлежности тех или иных слов к соответствующим частям речи алтаистам целесообразнее идти по линии наибольшего сопротивления, т. е. иметь дело со словами, состоящими из одного корня, из одной корневой морфемы, а также со словами, образованными из сложения только корневых слов. Что касается производных слов, то их лексико-грамматическая природа легко устанавливается по их словообразующим морфемам, которые почти всегда могут служить отчетливыми показателями принадлежности соответствующих слов к той или иной части речи. Поскольку части речи представляют собою лексико-грамматические категории, то критерии эти должны быть и лексическими, или семасиологическими, и грамматическими, точнее — синтаксическими. Это не значит, что в данном случае мы можем части речи механически уподоблять членам предложения, т. е. смешивать одни категории с другими. Ведь всякое именное слово может выступать в ка-

³⁰ Мы только не можем согласиться с утверждением А. Исакова о том, что в казахском языке имена существительные *жаз* «лето», *қы* «зима» и *күз* «осень» превратились в наречия времени во фразах типа *жаз шананды сайла*, *қы арбанды сайла* «летом готовь саяи, а зимою — телегу» и *шалдың қызы күз қалаға оқуға жетті* «дочь старика осенью поехала в город на учебу», ибо в таком случае придется считать наречиями и слова типа кирг. *базар* «базар» (*базар бар* вместо *базарға бар* «иди на базар») или узб. имени собственного *Тошкент* (*Тошкент борди* вместо *Тошкентга борди* «отправлялся в Ташкент»), ведь это — явления одного и того же порядка: пропуск окончания дательно-направительного и винительного падежей.

честве любого из членов предложения без какого бы то ни было изменения своей лексико-грамматической природы, т. е. не переставая быть самим собою и не переходя из одной части речи в другую. Так, например, монг. *сайн* «хорошо, хороший, добрый, доброта, добротность» не перестает быть качественным именем во всех тех синтаксических положениях, в которых оно в других языках будет соответствовать словам из разных частей речи: *танай сайн мэдээтэй* «ваша доброта известна»; *энэ бол сайн морь* «эта хорошая лошадь»; *энэ морь сайн болов* «эта лошадь стала хорошей»; *энэ сурагч сайн уншина* «этот ученик хорошо читает»; *эрийн сайныг эрдмээр нь* «качество мужа (познается) по его способностям».

Сказанное означает, что при определении лексико-грамматической природы того или иного слова мы не можем идти как по пути Ф. Ф. Фортунатова, так и по пути Г. Пауля, сторонников «нового учения» о языке Н. Я. Марра и других, смешивающих части речи с членами предложения. При определении принадлежности того или иного слова к той или иной части речи мы должны учитывать, во-первых, лексико-семасиологическую природу (лексическое значение) данного слова, и, во-вторых, как и каким образом оно ведет себя в том или ином синтаксическом положении³¹. Конечно, не малое значение имеет и то, какими морфологическими категориями обладает соответствующее слово. Это означает, что данное слово должно изучаться в совокупности всех своих форм, которыми оно обладает как представитель определенного разряда слов. Так, например, для выделения имен числительных в монгольских языках в особую часть речи имеется то основание, что только они имеют категории или формы порядковости, разделительности и собирательности (кроме количественности): *тав* «пять», *тавдугаар* «пятый», *таваад* «по пять» и *тавуулан* «впятером». Качественные имена в монгольском языке, морфологически никак не выделяясь (речь здесь идет о корневых словах), характеризуются, в частности, тем, что только они могут иметь формы степеней качества и, аналитически, степеней сравнения (*энэ морь тэр мориноос хурдан* «эта лошадь быстрее той лошади»). То же самое нужно сказать и о качественных прилагательных (*хар* «черный», *харавтар* «черноватый». *энэ самбар тэр самбараас хар* «эта доска чернее той доски»).

Категория падежа свойственна всем именам, а равно и причастиям: склоняемость слова по падежам говорит только о принадлежности его к имени вообще. Именно поэтому в алтайских языках имена по типам своего склонения подразделяются на определенные группы только по фонетическому признаку, но ни в коем случае не в зависимости от своей принадлежности к той или иной части речи или к определенным группам внутри последней. Так называемая несклоняемость имен зависит только от того синтаксического положения, в которое они попадают: даже существительное остается в своей нулевой форме (иначе говоря, в форме основного или именительного падежа, т. е. в так называемой словарной форме), если оно не является possessивным определением, обстоятельством или дополнением, последним в ряду однородных членов предложения, на-

³¹ Ср. А. Исаков. О классификации частей речи в казахском языке (Сб. «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке». Ташкент. 1952, стр. 126): «Однако в тюркских языках при отнесении какого-либо слова к определенной части речи мы должны принимать во внимание прежде всего лексико-семантическое значение слова и его морфологический показатель, а не синтаксическую функцию слова, роль которой чересчур преувеличивалась до сих пор и преувеличивается сейчас». Но дело в том, что корневые или производные слова морфологического показателя не имеют: синтаксическая же функция слова должна учитываться, но лишь в плане изучения того, как она выполняется теми или иными разрядами слов, ибо, например, имена существительные и качественные в положении подлежащего часто ведут себя совершенно различно.

пример: монг. *гар үйлдвэр* «кустарное производство», буквально — «рука производство», *гар хөлөөр нь* «по рукам и ногам» (буквально — «рука ногою»), узб. *қўл соат* «ручные часы» (буквально — «рука часы»), *Тошкент, Самарқанд, Бухорода мактаблар кўп* «в Ташкенте, Самарканде и Бухаре много школ» (буквально — «Ташкент, Самарканд, Бухаре много школ»); *шахмат тахтаси* «шахматная доска» (буквально — «шахматы доска-их»).

Таким образом, в алтайских языках нельзя определить части речи, если подходить к ним только семасиологически или только грамматически. Грамматический же аспект определения частей речи оказывается весьма различным от языка к языку: в одном языке может превалировать морфологическая сторона, в другом — синтаксическая, а в третьем — обе эти стороны могут быть представлены в более или менее одинаковой степени. Более того, в одном и том же языке морфологическая и синтаксическая стороны грамматического аспекта в определении частей речи могут оказаться различными в отношении разных частей речи или разных групп в составе одной и той же части речи, например, в отношении имен производных и непроизводных, как это мы видим в алтайских языках.

«Всякое слово оформлено уже тем, — пишет В. В. Виноградов, — что оно несет известные грамматические функции, занимает определенное место в грамматической системе языка, подводится под ту или иную грамматическую категорию»³², в силу, добавим мы от себя, своей особой лексико-семасиологической природы, формирующей в каждом данном языке соответствующие грамматические категории. В этом плане нельзя не согласиться с В. В. Виноградовым, когда он пишет, что «целесообразнее вместо употребления термина форма в этом значении пользоваться термином формальный признак, или внешний выразитель грамматической категории»³³. Этот «внешний выразитель грамматической категории» представлен не только суффиксами и окончаниями, но и той или иной способностью данного слова вступать в определенные сочетания с другими словами в определенных же категориальных значениях и функциях, вступать в эти сочетания свойственным только данной группе слов способом, что позволяет говорить о той или иной части речи конкретного языка в полной зависимости от специфики его грамматической системы. Ведь «внешний выразитель» и есть та материальная языковая оболочка, в которую облачается та или иная грамматическая категория. «...именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку»³⁴.

Таким образом, концепция «нового учения» о языке об односторонней зависимости частей речи от членов предложения оказывается явно несостоятельной и в свете материалов алтайских языков. Когда мы указываем определенные синтаксические пометы той или иной части речи, то этим самым вовсе не утверждается, что синтаксис односторонне определяет оформление частей речи. Дело здесь обстоит примерно так же, как с определением удельного веса того или иного тела: дерево не потому легче воды, что оно не тонет; скорее наоборот: дерево потому не тонет, что оно легче воды. Л. В. Щерба, как известно, говорил, что слова *стол*, *медведь* и т. п. не потому считаются существительными, что они склоняются; скорее, потому их склоняют, что они существительные³⁵.

Лексико-грамматические или лексико-семасиологические свойства данного слова вовсе не создаются его синтаксическим отношением к дру-

³² В. В. Виноградов, Указ. соч., стр. 33.

³³ Там же, стр. 32.

³⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

³⁵ Ср. В. В. Виноградов, Учение академика А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке, «Доклады и сообщения» Ин-та языкознания АН СССР, I, М., 1952, стр. 47.

гим словам, а лишь обнаруживаются в таком отношении ³⁶. Так, например, узб. *кўк* «синий», монг. *эрдэмт* «образованный, ученый» и русск. *рабочий* (прилагательное!) соответственно в значениях «небо», «знаток, ученый» и «труженик промышленности» переходят в разряд существительных вовсе не потому, что изменяется их синтаксическое отношение к другим словам, а потому, что изменяются их лексико-семасиологические свойства. Последние не создаются в определенном синтаксическом отношении соответствующих слов к другим словам, но лишь обнаруживаются и формируются. Не обнаруживаться и не формироваться в сочетаниях слов эти свойства не могут. «Форма существенна. Сущность сформирована. Так или иначе в зависимости и от сущности...» ³⁷.

Сторонники так называемого «нового учения» о языке совершенно не понимали подлинного значения семасиологии и надлежащим образом не использовали и не могли использовать ее данных, так как, злоупотребляя ею и истолковывая ее в вульгарно-социологическом плане, попали в болото идеализма. И. В. Сталин учит: «Семантика (семасиология) является одной из важных частей языкознания. Смысловая сторона слов и выражений имеет серьезное значение в деле изучения языка. Поэтому семантике (семасиологии) должно быть обеспечено в языкознании подобающее ей место» ³⁸. Далее И. В. Сталин пишет: «Однако, разрабатывая вопросы семантики и используя ее данные, никоим образом нельзя переоценивать ее значение, и тем более — нельзя злоупотреблять ею» ³⁹.

Поэтому части речи должны изучаться и определяться как семасиологически, так и грамматически. «Материя не суть *основание* формы, а единство основания и обоснованного. Материя есть *пассивное*, форма — *активное*... Материя должна быть оформлена, а форма должна материализоваться»...» ⁴⁰.

Результаты подобного изучения помогли бы понять, как сам язык распределяет и формирует свой словарный состав по определенным классам, частям речи, и положили бы конец попыткам произвольно навязать изучаемому языку то, что обнаружено в других языках, попыткам, которые поддерживаются смешением одних категорий с другими, а также неверным истолкованием переводов соответствующих тюркских или монгольских слов и выражений на какой-либо другой язык, т. е. все теми же односторонними семантическими увлечениями и злоупотреблениями. Эти же результаты помогли бы нам полностью отрешиться от того неверного, антинаучного взгляда, что будто бы алтайским языкам свойственны «недифференцированность» частей речи и отсутствие грамматической четкости в оформлении последних, — взгляда, основанного на непонимании того, что в этих языках мы находим иную систему грамматических категорий, нежели, например, в индоевропейских языках.

Специфические особенности алтайских языков не могут служить основанием для допущения в этих языках «архаических» черт, по которым якобы можно восстановить или истолковать далекое прошлое других, иноструктурных языков; такими поисками занимались сторонники порочной теории Н. Я. Марра о статальном развитии языков, объективно смыкавшейся с буржуазными, идеалистическими домыслами о «неравноценности» раз-

³⁶ См. К. Маркс. *Капитал*, Госполитиздат, 1950, т. I, стр. 64: «...свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...»

³⁷ В. И. Ленин. *Философские тетради*, М., 1947, стр. 119.

³⁸ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 37—38.

³⁹ Там же, стр. 38.

⁴⁰ В. И. Ленин. *Философские тетради*, стр. 120. (Конспект кн. Гегеля «Наука логики».)

личных языков. При наличии в каком-либо языке форм и категорий, отсутствующих в «избранных» языках, любители антиисторических стадильных сопоставлений, не понимающие и игнорирующие внутренние законы развития и национальную самобытность языка, сочиняли всяческие домыслы об излишней громоздкости, ненужной конкретности и неупорядоченности в структуре данного языка, об отсутствии в нем настоящей грамматической абстракции, а с другой стороны, этому же самому языку приписывали «недифференцированность», «неразвитость» и «аморфность» грамматических категорий, если в нем не обнаруживалось то, что привычно и знакомо по «избранным» языкам и что вполне закономерно может отсутствовать в «неизбранных». Необходимо понять, что конкретный язык создает свои категории и формы для самого себя по внутренним законам своего развития и в меру необходимости, а не для того, чтобы облегчить языковедам определение принадлежности того или иного слова к тому или иному разряду: если, например, киргиз знает, что *жол* значит «дорога», а *узун* — «длинный, длина», то он не испытывает никакого неудобства из-за того, что на этих словах нет каких-либо этикеток, указывающих, к какой части речи они относятся.

Тщательное изучение грамматического строя алтайских языков поможет глубоко понять те процессы и изменения, которые постепенно происходили и происходят в этих языках. Но чтобы понять эти процессы и изменения, необходимо предварительно выяснить, что же подвергается изменениям, откуда и куда направлены эти изменения. Это значит, что лексико-грамматическому анализу в этих языках в первую очередь должны быть подвергнуты корневые слова.

Сталинское учение о языке, требующее изучения языка и законов его развития «...в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁴¹, обеспечивает полную возможность успешного и плодотворного разрешения всех задач, стоящих перед нами в области исследования грамматического строя алтайских языков.

⁴¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.